

Вместе с тем индивидуальность авторской манеры сказывается, в частности, в том, что одно и то же слово национального языка, употребляясь в произведениях двух писателей — представителей одного народа, имея одно и то же значение, может нести экспрессивно-эмоциональный «заряд» разной силы и степени. Так например, используется слово «сусу» у Киле и Ходжера. У Киле читаем: «И ничего не осталось от той жизни, кроме *сусу*, места покинутого селения, люди которого вымерли от оспы — такое пустое пространство у леса вдоль речки» («Птицы поют в одиночестве»). У Ходжера рассказывается: «Релка когда-то имела свое имя, но люди забыли его, зовут теперь *Сусу* — запретное место. Никто уже не помнит, как называлось стойбище, сколько проживало тут людей, — теперь неважно, место это *Сусу*, страшное место, его надо обходить стороной. Охотники не останавливаются здесь на ночлег, женщины не приезжают за шиповником, черемухой. *Сусу* — запретное место» («Гайчи»). Петр Киле объясняет слово в соотношении с понятием в характерной для него манере непринужденной беседы-разговора с читателем. Ходжер создает отдельный фрагмент, зарисовку, включая ее в общую картину повествования, усиливает экспрессию не только определением «страшное (место)», но и соотношением понятия, обозначаемого «сусу», с бытом нанайцев: «Охотники не останавливаются здесь на ночлег, женщины не приезжают за шиповником, черемухой». Экспрессия подчеркивается предложением, повторенным дважды: «Сусу — запретное место». Различие наблюдается и в отнесении рассматриваемого слова в одном случае к имени собственному (Ходжер), а в другом — к нарицательному (Киле).

Лексический уровень как объект лингвистического исследования представляет интерес при изучении способов и приемов введения фольклорных мотивов, где значительная роль отводится не только словам нарицательным, но и ономастическим номинациям. Главный герой повести Рыхэу «След росомахи» говорит: «Сейчас много говорят об охране окружающей среды и загрязнении природы (...) Оберегают чистую воду... Однако есть еще один источник, который для человека не менее важен, — это наша древняя память. Сказки, легенды, предания. В быстром движении вперед мы часто оставляем позади драгоценное и нужное, тот чистый источник, который питал наших предков и нас на протяжении веков». Совершенно очевидно, что здесь высказана позиция самого автора, практическое претворение которой наглядно обнаруживается и в творчестве Рыхэу, и в творчестве других писателей Севера и Дальнего Востока.

Как отмечалось выше, обращение к фольклору прослеживается в области употребления ономастических единиц, особенно показательны здесь топонимы. Национальное географическое наименование в тексте произведения нередко выступает как своего рода импульс к рассказу о том, что было очень давно. Иногда это сообщает произведению некоторую «мозаичность», так как в одну повесть могут включаться переложения нескольких легенд. Например: «*Ноглики...* Оно звучит на русском таинственно. Это слово как кусок айсберга. *Ноглики... Ноглики...* Когда-то, несколько веков назад, предок Малуна пересек Сахалин с запада на восток, перевалив через хребет. Он вышел к истоку безымянной реки, срубил тополь и выдолбил из него лодку. Долго скитался он по большой реке. Но вот пахнуло солоноватой свежестью. Стало быть, до моря близко (...) И только теперь нивх заметил — вода в реке загрязнена маслянистой жидкостью. И назвал первооткрыватель эту речку Ноглын-нгиги, что на русском языке означает — Пахучая река. ... *Ноглики... Ноглики...*» (В. Санги. «Последняя дань обычаю»). Отметим, что и здесь автор, как и при использовании слова «нё», обращается к русскому восприятию, но в данном случае акцент делается не на понятийном содержании слова (оно раскрывается пересказом легенды), а на его фонетической стороне. Начиная пересказ легенды с лексического повтора «Ноглики... Ноглики...» и завершая его этим же повтором, писатель заставляет вслушаться в звучание слова.